
Ник Форнит
Обратный интеллект

Ник Форнит
Обратный интеллект

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73346803
SelfPub; 2026

Аннотация

о сотрудниках советского НИИ, чей институт вместе с персонажами внезапно переносится в иную часть галактики.

Через взаимодействие с рогатой инопланетянкой Зиреа и трансформацию инженера Рязанова bсследуется концепция «обратного интеллекта», где технологическое развитие и доступ к вселенской Силе требуют от личности глубокой моральной адаптации.

Ник Форнит
Обратный интеллект

Апокалипсис начинается не из-за критической массы грехов, а когда глупость трагически не поспевает за техническим прогрессом. И тогда аналогия "обезьяна с гранатой" отражает фатальное несоответствие между интеллектом восприятия происходящего и обратным ему интеллектом возможности действий.

Существует неумолимый порог развития цивилизаций: как только создают искусственный разум, прогресс всех областей техники и основы культуры входит в стремительный пик и приводит к социоптозу – цивилизация самоуничтожается из-за множества неразрешимых противоречий. И только санация разработок искусственного разума способна предотвратить катастрофу.

Одна из цивилизаций в галактике не самоуничтожилась, а удачно проскочила кризис. Не от мудрости, а погрязнув в такой беспросветной глупости, что даже не поняла, как близка была к гибели. Это исключение показалось Гармонии столь любопытным, что было принято, как новая форма адаптивности, достойная вовлечения в глобальную вселенскую структуру. Там эта животворящая тупость почерпнула невероятную мощь, и приняла на себя миссию тщательно отслеживать все признаки появления искусственного разума.

С тех пор в критические моменты социоптозные новообразования экстрагируются в межзвездный лепрозорий, сохраняя гармонию стабильности в галактике.

Глупость тех миссионеров никуда не делась, но, поддержанная вселенской гармонией стала крепко стабильной и позитивной образующей силой. Так, их интеллектуальные возможности несопоставимо превысили их интеллектуальность понимания, как если бы собаке дали волшебную палочку, но эта была уже очень верная собака, и она всегда надежно совершала только правильное волшебство. Гарантом этого стала истовая вера в хозяина и беспредельная благодарность к нему.

Вот и на Земле давно и тщетно пытались создать искусственный разум, беспечно не задумываясь, к чему это приведет. Проходили десятилетия и, казалось бы, давно пора осуществиться давней мечте. Но еще в конце двадцатого века, в уже несуществующей стране СССР произошло коварное похищение инопланетянами первой земной системы искусственного разума, которая грозила стремительно и непредсказуемо изменить вектор развития цивилизации. Засекреченность не позволила предать это широкой огласке. А столь гениально-удачные прорывы случаются лишь раз в пару столетий. Вот почему люди еще не устроили атомный скайнет и не изобрели с помощью суперинтеллекта вирус, убивающий все, что движется.

Стоит оборвать самый верхний побег как окрепнут и потянутся вверх множество боковых. Поэтому надо признать, Космос поступил гуманно, осуществив культурную обрезку дерева разума по правилам вселенской вегетации.

За всем этим стоит туманно упоминаемое и никем не понимаемое явление: некая Гармония межвселенских связей, обреченная, как простые смертные, на борьбу за существование.

Бессмысленно говорить о каком-то ее начале или конце, потому что понятие времени и пространства ограничены веществом конкретной вселенной. Бессмысленно говорить о каких-то ее влечениях вроде половых. Казалось бы, все ей подвластно… Будь Гармония богом, она немедленно решила бы все проблемы. Она же постоянно обнаруживала все новые и все более сложные.

Потребности изменяются с новыми знаниями, что вновь порождает необходимость в новых знаниях. Возникает бесконечная гонка, в которой нельзя остановиться, и сама стабильность существования начинает зависеть от факторов саморегуляции.

Описанные далее события происходили в тесной связи с судьбой формирующегося в нашей вселенной единого разума, который, как и во всех других вселенных, составляющих Гармонию, призван на определенной стадии дополнить собой общую структуру Гармонии новым качеством понимания. Аминь.

История эта случилась в одном из советских проектных учреждений конца восьмидесятых прошлого столетия. Тогда открытия планировались государственными чиновниками, уверенными, что они творят судьбу народа, который принадлежит им, хотя они служат ему. Эта диалектика просто должна была приниматься на патриотическую веру: они служат народу, но отдельные представители народа при этом назывались служащими. Слуги же распоряжались не только временем, продукцией и даже здоровьем служащих, но, бесспорно, всеми их помыслами, поступками и стремлениями, в общем – моралью и этикой. А в обыденности восприятия слуг, служащие представлялись как естественные продолжения их чиновничьих рук и ума и не могли быть хоть в чем-то самостоятельными: это бы выглядело нелепо. Поэтому незапланированные открытия и суждения не имели шансов на свободное существование, а инициатива была беспощадно наказуема.

Определенная абсурдность в этой истории сделала главным героем событий человека, по неопытности еще не глубоко тронутого чиновничьей этикой, и вовсе не истинного создателя ключевых представлений системы искусственного разума (СИР). Это – заведующий отделом адаптивных моделей Научно Исследовательского Института Искусственного Интеллекта (НИИИИ), Черноус Евгений или в кругах от дирекции до сотрудников – просто Женя. Аббревиатура НИИ-

ИИ сама по себе интриговала непосвященного, окружая служащих НИИИИ ореолом научной таинственности тематической секретности.

Но, как и везде, в этом институте проходили бесконечные совещания, на которых пытались планировать творческую работу, а раз дохлое это дело постоянно срывалось, то беспощадно обличали друг друга в поисках виновных.

Среди жесткого администрирования иногда каким-то чудом возникал и некоторое время не уничтожался пароксизм увлеченного творчества, и тогда появлялись в самом деле самобытные и стоящие достижения.

На очередной планерке у директора Женя Черноус вдруг остро почувствовал себя чужим, тоскливо ожидал часа своего далеко не оптимистического доклада и заранее готовил хлесткие фразы.

Спину припекало из окна весенним солнцем, ладони неприятно потели в предвкушении неминуемых препираний. Женя полузакрыл глаза, силясь обрести невозмутимость и убедительность формулировок, но с горечью понимал, что опять заведется как пацан и наговорит лишнего.

Как же судьба подвела его к такому? Пожалуй, он неосмотрительно увлекся инициативной работой, беспечно недооценивая сложные узоры централизованной институтской интриги.

Женя со вздохом сменил позу, чем невольно обратил на

себя внимание, усевшись чуть боком и положив локоть на спинку стула, с досадой ощущая, как в более не сдавленные сосуды ног с нестерпимым зудом вливается кровь. Его мысли, сохраняя общую легкую неприязнь к происходящему, переключились на директора.

Анатолий Акимович Хлам с наслаждением управлял подчиненными, ревниво пресекая их личную инициативу, но при этом постоянно провоцируя ее. По его велению проворачивалась институтская жизнь, воплощались задумки и все деяния разливались директорской волей далеко, аж до смежных учреждений, а секретность тематики способствовала неподсудности. Лидерство Хлама утверждалось не только должностью, но и личными качествами. Даже физически как мужчина он был удовлетворен собою.

Оспаривать такое превосходство не решался никто даже взглядом, и только некий Миша Рязанов, по сути, пацан, правда способный инженер со спортивной комплекцией, изредка досаждал своей независимостью. С ним приходилось мириться, потому как он, фактически, тащил на себе один из основных проектов. Это было возмутительно, и Михаилу часто в укор задавались каверзные вопросы: а что если с тобой что-то случится, а вдруг тебя автобус переедет, что тогда мы все делать будем??…

Досаждало и то, что именно как мужчина директор позорно, непонятно почему, пасовал перед ним, хотя даже себе не хотел признаваться в этом. Это была мелочь, с которой он

давно свыкся и весь его ареал власти оставался источником радости от самоутверждения его социальной роли.

Женя, четко понимал все эти моменты и отделял себя от стаи прихвостней, уйдя в научное подполье.

– …заказчик у нас военный, – чеканил Женино сознание жесткий, с великолепной дикцией голос директора, – мозги ему запудрить можно легко, но это чревато. Тут все должно быть четко: вот информационная система. Она умеет то-то, так-то и за стоко-то.

Рядом заерзал коренастый мужичок с пролысиной:

– Стоко-то в смысле… – он ресторанным жестом щелкнул пальцами, – или в смысле быстродействия?

Хлам спокойно обласкал его взглядом.

– Стоко-то… в обоих смыслах.

– А в обоих-то не получается, – мужичок озабоченно привстал, – в деньгах нас Черноус лимитирует.

Женя вздохнул и устало поднял глаза:

– Виктор Васильевич, это не в вашей компетенции.

– Зачем же так? – директор с укором посмотрел на Женю, – У нас единый творческий коллектив, товарищ вот болеет общим делом.

– Пусть дома болеет, Анатолий Акимович, это же провокация. Вы отлично знаете, что на сегодняшний день моя система съела всего лишь на сто тыщ больше, чем у Подколодного и других расходов не предвидится, а у него одно программное обеспечение…

Сто тыщ тогда – это примерно тридцать тысяч палок толстенной колбасы с аппетитными вкраплениями сала, которое дети всегда выковыривали. Ну, или пятьсот зарплат ведущих конструкторов – это много даже для взятки особо крупного размера.

– Погоди, Женя, – Хлам, показательно подобрев, поднял начальственную длань, – давай смотреть справедливо. У Подколодного современная, общепризнанная экспертная система, обеспеченная теоретическими трудами многих коллективов страны и даже за рубежом. Ведущее, кстати, мировое направление по искусственному интеллекту. Кто мы такие чтобы не доверять ведущему направлению?.. Ну, а у тебя? На мой взгляд тебе просто повезло, в том числе и с кадрами, с этим, как его, Рязановым. Не знаю, чем ты приворожил заказчика, раз он выложил такую сумму. Но не это главное. Главное – результат. Вот ты, как сам выражаешься, воспитал этот свой СИР. И что же с того мы поимели? Чем он отличается от обыкновенного сопливого пацаненка? Какая польза от него? Стоило ли столько мудрить, чтобы сделать из железок еще одного сотрудника, у нас и без того вон сколько… Да еще не умеющего передвигаться. Ты же попросту скопировал природу вместо того, чтобы найти свой оптимальный для нашей задачи подход.

Хлам остался доволен таким своим проницательным обобщением, что ясно светилось в его холодных глазах.

– А разве у Подколодного есть результат? – Женя нерв-

но ухмыльнулся, – На прошлой проверке полковник в шутку спросил его Беби: "Ну, как настроение, малыш?" а этот интеллект вообразил, что его спрашивают про настройку, перегрузился и запустил проверочную тест-программу.

– Экспертная система не предназначена для дурацких вопросов, – поморщился молчавший до сих пор статный и несомненно достойный мужчина, – По своему профилю она не ошибается. Полковник просто набеседовался с твоим СИ-Ром и отошел от регламентируемых форматов вопросов.

– Ну конечно, он имел дело с настоящим интеллектом и не сразу снизошел до уровня Беби… Надо же нам, однако, сознавать, где кончаются игрушки и для каких ответственных целей предназначаются наши системы!

– Стоп, стоп, стоп, – Хлам рептилоидно сузил зрачки и воздел обе длани, – речь идет о том, что на носу военная приемочная аттестация, – он сурово посмотрел по очереди на каждого из присутствующих, эксклюзивно закрепляя эффект, – а до сих пор у вас, Геннадий Иванович, – он прижег Подколодного немигающим взглядом, – окончательно не сформированы граничные условия применения, – а у тебя, Женя, вообще пока не приступали к курсу профессионального обучения. Только вот Геннадий Иванович четко пообещал уложиться в срок, а ты юлишь все время. Сегодня я вынужден напомнить, что в этом печальном случае у нас предусмотрена передача проекта другим заинтересованным… Ну ты понимаешь. Вот так. Кстати, говорят, у вас снова появи-

лись трещины?

Вокруг зашумели.

– На нас постоянно штукатурка сыплется, – пожаловался коренастый мужичок с пролысиной.

Женя лениво повернулся к нему:

– А мы тут при чем, Виктор Васильевич? Как здание построили…

– Не надо! – мужичок постучал пальцем по спинке соседнего стула, – Строили и принимали точно по документации. Но именно вокруг вашей комнаты растрескались стены. Больше ни у кого такого нет.

– Товарищ Вымин, может вы и в бога веруете? – ехидно ухмыльнулся Женя, – Как же микросхемы могут стены растрескивать?

– А ты, Женя, не горячись, – посоветовал излишне полный, но элегантно одетый парторг Весельчаков, – Очевидно же, что причина где-то у тебя. И с дисциплиной непорядок. Не знаю уж кто кого учит, но выходки вашего сотрудника, этого Рязанова, ни в какие ворота… и этот… СИР, что он позволяет себе в разговоре с заказчиком? В общем, разрабатываете интеллект, а с воспитательной работой очень нехорошо.

– Но ведь никто не желает серьезно разбираться в причинах трещин, – Женя затравлено оглядел собравшихся, – Я сам вынужден буду говорить с заказчиком и посмотрим, как он решит…

– Что за манера сразу ставить ребром? – возмутился Хлам и, нетерпеливо встав, принялся разминать кисти рук, – Знаю, тебе давно отдохнуть пора, но сейчас нужно напрячься. А потом все будет как положено. Отдых будет, премии будут… Что тебе мешает окончить это свое обучение?

Женя слегка остыл.

– Я вам писал уже… Знания получить – это не книжку прочитать. Чтобы освоить военные навыки, нужно не устав изучать, а самому вникать на практике ситуаций.

Подколодный и Вымин с усмешкой переглянулись, констатируя столь вопиющую глупость.

– А вот сотрудники Вымина успешно заканчивают формализацию знаний по теме, – возразил Хлам, – и скоро введут их в экспертную систему.

– Ну и получится справочник, – усмехнулся Женя, – возможно даже неплохой и удобный в обращении, но бесполезный в любых неожиданных ситуациях! И на простой вопрос: "Ну, как настроение, малыш?" будет выдавать чушь, распознав слово "настроение" как настройки. И всякий раз повторять эту чушь, ничему не учась.

Лысина Подколодного заблестела, и на мгновение он утратил шарм.

– Не справочник, а экспертная система!

– Не способная принимать решения в новых ситуациях, а лишь выдавать уже известное в жестко конкретных случаях, – Женя со скрипом отваливаясь на спинку стула.

– Вы ответите за попытку дискредитации моей темы!

– Значит так! – отрезал Хлам, – Запрещаю вам друг с дружкой воевать! Мы – один коллектив! Геннадий Иванович, Женя может быть очень полезен вам своими вот такими замечаниями, которые нужно слушать и устранять. Я попрошу вас… нет, считайте это приказом: в рабочем порядке выяснить все ваши позиции и теоретические недомолвки с Черноус, мы соберемся еще раз. Надо признать, вы с трудом представляете, чем занимается Женя, а вот он неплохо разбирается в экспертных системах.

– Он разбирается?! – возмутился Подколодный.

– Я все сказал! – пресек Хлам и обвел администрирующим взглядом активных участников, индивидуально добиваясь опускания глаз каждого.

Хотя Женя ликовал и благодарил в душе Хлама за неожиданную поддержку, его не покидала осторожная мысль, что все это, возможно, лишь ловкий ход. А может быть у них там что-то не в порядке с Беби и Хлам, понимая куда залезли, теперь подготавливает позиции? Но в эти дебри лучше не погружаться, чтобы не стать параноиком… Нужно думать о своем насущном… У него ведь есть о чем подумать о хорошем: он улыбнулся, вдруг вспомнив свою энергичную дочку. Правда, дома он имел не менее энергичную жену, что заставляло сомневаться, где лучше, дома или на работе. Крики и той, и другой настигали его врасплох.

– Не надо! Не ха-ачуу!!

Женя попытался было завернуть руки дочери за спину, но та неожиданно боднула его головой и рванулась к двери. Женя в последний момент перехватил ее, но потерял равновесие и тяжело привалился спиной к шкафу. Аленка крутанулась как звереныш, оцарапав руку. Нужно не забыть постричь ей ногти. Оставалось одно магическое средство, которое поначалу было просто игрой, но потом приобрело взаимно-договорное непререкаемо-обязательное значение. Женя ловко нажал пальцем на ее макушку. Аленка удивленно ойкнула, затихла, обмякла и, закатив глаза, безжизненно опала на руки.

– Лара! Тащи йод быстрее, Аленку нужно смазать!

Жена настороженно просунула голову в комнату и сварливо спросила:

– Что, опять?!

– Она днем, оказывается, с велосипеда грохнулась и никому не сказала.

– Ты опять ее выключил? Как мне это уже надоело!

– Она не давалась, а смазать нужно.

Лариса принесла йод с ваткой и, щурясь в сострадании, сдобрила ссадину, но Аленка все так же бесчувственно висела на руках.

– Ну, давай, включай ее! – Лариса распрямилась и завинтила флакон. Женя нажал на пупок дочери и та, громко заойкав, принялась дуть на коленку.

– Все, спать! – приказала Лариса и открыла форточку. Свежий порыв разогнал запах йода.

– Зубы почистила?

– Уже давно. Папа, ты сказку обещал!

– Поздно. Лезь в свою берлогу, завтра рано вставать.

– Расскажи ребенку раз обещал! А мне нужно к лекции готовиться, так что вы здесь потише.

Лариса вышла, и Аленка требовательно выпучила глаза:

– Обещал, обещал!

– Ладно, пятиминутную.

– Восьмиминутную!

– Тихо ты! Лезь к себе!

Аленка торопливо вскарабкалась по лестнице на самодельное широкое перекрытие, в чем Женя воплотил мечты своего детства. Наверху получилась спальня и место для игр, а вниз свисали качели и веревки для лазанья.

Женя взобрался следом и устроился на коврике у постели.

– Расскажи, что было дальше!

– В общем, Машеньку уложили спать и она осталась одна в кроватке, зажмурила глаза и ждет, почти не дышит. Приоткрыла один глаз: на стене ничего. Тогда открыла оба, но дверца не появлялась. Машеньке стало обидно, и как только она захотела повернуться на бочок как на стенке что-то замерцало, поплыло и там заблестела розовая дверца.

Машенька подняла голову: мама с папой далеко, и вообще, когда появлялась дверца все остальное как будто выхо-

дило из игры и пропадало.

Тогда она смело пролезла через дверцу. Там было очень много всякого интересного и непонятного. Что-то осторожно трогало ее со всех сторон и дышало, но как оно это делало если не было ни рук, ни носов?

Когда что-то мягко и приятно поползло по руке, она вытаращила глаза и ей показалось, что она узнала эти мерцающие шарики, а может быть искристые ежики, которые больше ни на что не были похожи. Машенька осторожно подула на них блестящим голубым течением и на руке стало тепло и весело. Тогда она поняла, что сделала правильно и это им нравится. Только не нужно слишком поднимать руку, а то начинало пощипывать. Машенька совсем уже подружилась с лушастиками, а может быть с шалустиками и уже помнила, что от ее голубого течения у них вздымаются блестинки, а в ушах каждый раз приятно промурлыкивало.

Впереди что-то интересно забегало, и Машенька сразу забыла про муршалучиков. Там ее звала во всю ширь многоцветная Симметрия. Звала очень весело, маня своим центром, где пахло удовольствием и чуть-чуть непослушанием. Туда уходили боковые узоры, пропуская по очереди то снизу, то сверху большие струи непонятных шевелений. Все вокруг разрешало, потому что чем ближе она подходила, тем легче было ступать по розовым шершавым облачкам. Машенька вздохнула и радостно прошла… к своей кроватке, а дверца на стенке затуманилась и, когда Машенька оглянулась, со-

всем исчезла. Все, пора спать.

– А дальше?!

– Завтра, если все у нас будет хорошо.

– Так мало…

– Спокойной ночи.

– Пап, а почему, когда я смотрю на цветочек глазами по очереди он становится разного цвета?

– Совсем разного?

– Нет, чуть-чуть разного. Левым глазом оранжевее чем правым.

– Значит глаза немного разные.

– Папа, а почему, когда я смотрю одним глазом на звездочку в окне, то у нее лучики как живые шевелятся, как будто там человечек с такими то-оненькими ручками и ножками танцует?

– Аленка! Спать!

За окном дико и протяжно заорали кошки.

– Ой, пап, что это?!

– Киски дерутся.

– Они кричат так страшно!

– Ты же у меня взрослая. Спокойной ночи.

– Ладно, спокойной ночи, приятных снов, цветных, радужных!

Женя вышел, а Аленка на всякий случай скосилась на стенку, нет ли дверцы, но на том месте она вдруг увидела высунувшуюся по грудь рогатую тетеньку, такую странную и

неожиданную, что сразу захотелось позвать папу, но тетенька сама испугалась, что ее заметили, быстро протянула руку и выключила Аленку, нажав длинным пальцем на ее макушку.

Лариса с увлечением смотрела в телевизор.

– Что же ты не готовишься? – спросил Женя.

Лариса на секунду оторвалась и с удивленным укором взглянула на него, но Женя промолчал, и она снова прильнула к экрану. Несмотря на пропущенное начало в фильме итак все было ясно, как будто не нужны были горький опыт и здравый смысл, а все самоудавалось, если человек хороший. Действие было зрелищным, думать не хотелось и Женя досидел до конца.

– Да, чуть не забыла, – ожила Лариса, – Возможно у меня будет командировка на днях, Лена остается с тобой.

– Хорошо.

– Тебе все равно?

Жене пошарил руками в карманах:

– Черт, куда я свою бумажку засунул? – задумался он и растерянно посмотрел на Ларису.

– Я ее у тебя в руках видела, когда выходила из комнаты.

– Точно.

Женя залез к Аленке, но там листка не оказалось. Это его сильно огорчило. Он теперь точно помнил, как положил его возле постели.

Под утро Женя боролся с кошмаром: огромный и мерзкий зверь больно впился ему в плечо и волок по сырой от росы траве. Голова у Жени болталась, и он видел, как кровь стелется широкой полосой по примятой траве.

– Да проснись ты! – крикнул зверь яростным Ларискиным голосом, – Вы что тут, с ума посходили?!

Женя с трудом разлепил глаз.

– Аленку не могу добудиться! – подозрительно процедила Лариса, – Ты ее выключал на ночь?

– Нет.

– Как она включается?

– Нажми на пупок.

– Если она уже сама начала выключаться, то пора идти к психиатру и ей и мне.

Вскоре раздался Аленкин голос:

– Это меня тетка рогатая выключила! Я хотела папу позвать, а она раз и выключила!

– Чтобы больше не играли в эту дурацкую игру! И сказки эти глупые я слушать не разрешаю! Вон сколько книжек хороших про зайчиков и колобков! Придется мне самой всем этим заняться…

Жене очень захотелось на работу.

У входа в институт к Жене подскочила Жмуркина:

– Здрасьте, Евгень Саныч, там у входа Весельчаков бдит, а я пропуск забыла! Проведите меня, пожалуйста!

– Пойдемте, Наталья Ильинична, так и быть, прикрою вас.

Женя на выдохе разомкнул многопудовую дверь и пропустил Жмуркину.

– Не мешай, Рязанов! Сегодня я с твоим начальником говорить буду! – Весельчаков багровел от возмущения. Толстые губы на круглом лице образовывали недвусмысленный пятак, глазки зло блестели на безбровье, и плотно прижатые маленькие ушки заканчивали известный всем советским людям образ пирата Весельчака. От представительности остался только пиджак и безупречно повязанный галстук.

– В чем дело, Лука Ильич? – Женя сходу принял образ официальной непредвзятости, – Опять мой сотрудник выделяется?

– Представьте себе! Этого я уже так не оставлю, будем разбираться с занесением в личное дело. А пока пусть идет работает.

– Какая теперь к черту работа? – взвился Рязанов, – Скольким людям вы сегодня настроение испортили?

– Миша, тебе же сказали: иди пока, – вымолвил Женя, вперившись в него хламовским реплоидным взглядом.

Жмуркина проскочила мимо и застучала вверх по лестнице.

– Удостоверения, товарищи, заблаговременно предъявляйте полностью раскрытыми! – слышался позади тонкий надломленный голос Весельчакова.

Женя подошел к Рязанову, когда тот отпирал дверь СИР.

– Послушай, Миш, Нафига ты даешь повод устраивать скандалы?

– Дал бы в пятак этому Весельчаку! За то, что он всех людей презирает. Чего он эту дурацкую проверку устроил, да еще унижает так? Если вылавливает диверсантов, то совсем не так проверять надо!

– Ты у нас ведущий инженер и должен быть соответственно выдержанным. Честное слово, твои пацанские выходки только усложняют наше положение. Удостоверения он проверяет не по своей прихоти, а для дисциплины. Тебе что, показать так сложно?

– Интересно! Разве в концлагере была когда-нибудь дисциплина? Те, кто оставался человеком только создавали ее видимость.

– Не усугубляй! Бардак бардаком не исправишь. Ладно, хватит. Пошли на политинформацию.

– А вот не жалко полчаса губить на политинформацию при нашем-то цейтноте? Кому она нужна, мы что, в далеко забытом кишлаке?

– Ну, опять… – Женя так устало посмотрел на Мишу, что тот смирился.

– Тогда я СИР прикачу.

– Да пожалуйста, только быстрее.

Когда Миша закатил в комнату телекамеру на треноге, там уже собрались все сотрудники. Дверь замкнули на ключ чтобы ничто не мешало ритуалу.

– Кто сегодня опоздал? – спросил Женя, занеся ручку над бумажкой.

– Я, – призналась, потупившись, пухленькая блондинка, – Но меня не записали. Весельчаков с Выминым разбирался и не заметил.

– Хорошо, начинаем.

– Только пусть Миша уберет камеру, мне неудобно, – Жмуркина разложила на столе газеты и приготовилась.

– Не обращайте внимания, Наталья Ильинична, я же ваш сотрудник, – мягко прогудел динамик и объектив деликатно расфокусировался чуть в сторону.

– Ох, извините, пожалуйста, я просто не так уж подготовлена, поэтому зачту… Так… Начало новой посевной страды в колхозе Рассвет… – голос Жмуркиной плавно зажурчал печатными фразами так, что через минуту уже невозможно было понять, как же это журчание может содержать отдельные слова и даже какой-то смысл. На этот случай каждый сотрудник давно уже выработал свой способ ухода от принудительной действительности. Женя задумался, вспоминая формулировки из потерянного листка, Миша откровенно мучился вынужденной неподвижностью, даже телекамера СИР, как бы зевая, задралась в окно на далекую перспективу города.

Вдруг в воздухе появился бумажный самолетик и, слегка покачиваясь, поплыл к Наталье Ильиничне. Он развернулся у нее над головой и, когда кончилась его аэродинамика, клю-

нул носом, прямо в ее дружелюбно декольтированную грудь. Такие самолетики в отделе изготовлял только Рязанов.

Жмуркина отчаянно вскинула голову:

– Ну, Миша, не ожидала! Я считаю, что это – прямое оскорбление.

– Черте что! – загудели долготерпевшие женщины, – Евгений Саныч, оградите нас хотя бы от хулиганства!

– А разве не оскорбление то, что столько людей, как болваны, вынуждены убивать время? – прямодушно спросил Миша, – Вон, даже СИР смотрит в окно!

– Я пытаюсь разглядеть поля колхоза Рассвет, – неуверенно забубнил динамик, оправдываясь, – и я записал весь текст чтобы потом…

– У СИР такой принцип действия, – перебил ведущий инженер Кир Добрыч, неторопливо поглаживая колкий подбородок, – он не может останавливать внимание на монотонном малозначащем предмете. Внимание сразу переключается на более значимое.

– Я, значит, малозначимая? – ахнула Жмуркина, жестоко комкая самолетик и передергивая грудью.

– Да не вы, – снисходительно скривился Миша, – Кому нужна такая политинформация если окно – более значащий предмет?

– Ну, извини, Миша, по-другому не умею, – процедила Жмуркина мстительно, – Попросишь ты меня чертежи оформить…

– Потом зайдешь ко мне, – оптимистично отрезал Женя и Миша хмуро затих, – Продолжайте, Наталья Ильинична.

Женя чувствовал, что еще немного и он не сможет управлять своей демократичностью. Ему захотелось жестоко приструнить Мишу, вышибить из него эту невыносимую уже демагогию.

Кто-то настойчиво постучал в дверь. Добрыч, стоявший рядом, отомкнул ее с щелчком и, выглянув в коридор, уведомил:

– Евгень Саныч, это Подколодный.

– У нас политинформация, пусть зайдет минут через десять! Через пятнадцать! – крикнул Женя. Нужно было еще разобраться с Рязановым.

У Жени не было отдельного кабинета, вокруг стола стояли кресла, образуя основу генератора коллективных решений. Миша порывисто присел на краешек одного из этих кресел, явно желая показать, что долго засиживаться не рассчитывает. Женя минуту разглядывал его, а затем спокойно и обезоруживающе просто спросил:

– Скажи, на кой черт ты все это делаешь? Как зачесалось, так и брякнул? Ты же понимаешь, что политинформацию не я и не Жмуркина затеяли.

Открылась дверь и в комнату настырно шагнул Подколодный. Поняв, что происходит воспитательное мероприятие, он ухмыльнулся и, подойдя к креслу, непринужденно погру-

зился в него. Женя досадливо поморщился и снова повернулся к Мише:

– Я не думаю, что твой протест носит непреднамеренный характер, – продолжал Женя более дипломатичным тоном, – У тебя есть разумные основания для такого поведения?

– Да.

– Верю, но сегодня ты обидел Жмуркину. Готовься к следующему разу. Покажи пример проведения полезной политинформации, раз уж мы вынуждены ее проводить. Это же твой исповедуемый принцип: нет худа без добра? Но перед этим изложи мне свои обоснования и предложения.

– Понял.

– Тогда иди работай. С Весельчаковым я улажу на этот раз, но при следующей оплошности прикрывать не стану.

– Ласково ты с ним, – добродушно посмеялся Геннадий Иванович, когда Миша вышел из комнаты.

– Знал бы чего мне это стоит…

– Грязно как в комнате… Неужели и здесь не хотят мыть? Подколодный вытащил сигарету и щелкнул зажигалкой.

Жене очень захотелось взять его за шиворот и вышвырнуть из комнаты вместе с табачным дымом, но он тут же подавил агрессию.

– Да я уже вторую докладную написал, – Женя устало пожал плечами.

– А может просто опасаются, – Подколодный удобно отвалился в кресле, выпуская дым, – Знаешь, институтский

фольклор уже складывается. Пугают друг друга, что в комнате СИР какая-то хрень водится, – он ехидно улыбнулся, – нет, в самом деле. Техничка всем рассказывает, как собиралась мыть помещение, открывает, значит, дверь после работы, а там за столом баба сидит и, что ведь замечательно, рогатая. У комендантши ведро с водой из рук выпало прямо ребром по пальцу левой стопы. Теперь она всем свой разбитый ноготь показывает, а бесовка как ее визг услышала, так исчезла.

У Жени мелькнула ассоциация с жалобой дочки на рогатую тетеньку.

– Я не специалист по бесовкам, – Женя нервно переложил какую-то папку с одного места на другое, – пьет, наверное, ваша техничка.

– А знаешь, – Подколодный хохотнул, – на тебя ведь и в партком капнули, мне вчера Весельчак шепнул, – будто ты, чтобы своего добиться, вмонтировал в стойку мозги бывшего сотрудника – добровольца, вот СИР и получился.

Женя хмыкнул и поджал губы.

– Легенды ходят уже, Женя! – Подколодный ласково наблюдал за программируемой реакцией на свои слова сквозь красиво плывущие струи дыма, – И стены вот-вот рухнут и гомункулус электронный. В общем гнилое место!

– Слушай, извини, мне сейчас некогда.

– Обиделся, что ли? Брось ты. Знаешь, я тебе даже завидую. У тебя интересно. Было бы мне лет на двадцать меньше,

я б точно к тебе пошел. Ну, да ладно… Раз уж Хлам велит мосты наводить… – Подколодный вздохнул, без спроса вытаскивая из стопки на столе Жени чистый лист бумаги, – Не знаю зачем это ему нужно. Нам вроде и так неплохо было, – он порылся в пластмассовом стакане и выбрал подточенный карандаш, – Ладно… Нет худа без добра, как говорит твой Рязанов, и время позволяет.

– А мне не очень.

– Сочувствую. Ничего не поделаешь, воля Хлама. Первый ход твой. Давай, покритикуй экспертные системы. Обещаю в ближайшее время ликвидировать замеченное.

Женя вздохнул и сосредоточился.

– Экспертные системы как справочники – неплохая вещь, я не против…

– Валяй, не стесняйся.

Женя ненадолго задумался.

– Если очень коротко, то твоя система никак не может адаптироваться к новому, а реагирует только заданным, привычным образом, рефлекторно, но даже рефлекс не формируется у нее самостоятельно.

Подколодный, принялся выводить на листке фигурки женщин на пляже.

– А чего же ты хочешь? Работа только началась, – Подколодный пожал плечами.

– Это похоже на надежду, что если воплотить в макете все видимые проявления женщины по списку, то получим саму

женщину.

– Циник ты, Женя, – усмехнулся Подколодный, штрихуя груди на своем рисунке.

– Оптимист, ты, Гена.

– Господи, Женя, не думаешь же ты, что мы такие простаки! Все это вынужденно. Даже психологи и физиологи пока не выяснили, что такое интеллект.

– А ты будешь ждать, когда они выяснят это для тебя? Они никогда не выяснят. Это поймет только тот, кто его разработает. Ваш хиленький компьютер виснет, когда число объектов становится чуть больше 100.

– А ты считаешь, что твои нейристоры круче компьютера?

– Прикинь: из них уже построен СИР. Это – более миллиона специализированных компьютеров, работающих одновременно.

– И какой самый основной принцип у вашей системы?

– Все сводится к распознаванию того, что для СИР хорошо и того, что плохо. В компах это подменяется волей программиста. Это позволяет определять то, к чему нужно стремиться, а чего следует избегать.

– Слышали уже… Счастье-несчастье – это, конечно, здорово, но как-то…

– Ну-ка скажи, как же иначе узнаешь, избегать того или иного действия в данных условиях или нет?

– Но я же сам могу задавать системе, что вот это – хорошо, а это – плохо.

– И тем самым станешь неотъемлемой частью ее интеллекта. Чтобы обучаться самостоятельно, необходимо иметь личную систему определения хорошо-плохо, а не подсказку оператора. Вот чем отличаются личные знания от полученных сведений.

Подколодный, ухмыльнувшись, стряхнул пепел в чайное блюдце на столе.

– Как-то не убедительно, – Подколодный начинал тосковать, понимая бесполезность разговора, – На каких-то примерах можешь показать?..

– Ну… Вот собака увидела еду. Как она ее узнает? Ведь каждый раз это что-то немного другое. Если известных ей признаков, которые она увидела и унюхала достаточно, чтобы распознать приемлемость, она сожрет ее. А если пахнуло тем, от чего раньше ее стошнило, то есть не станет. Вот так прежний опыт и должен подсказать достаточно ли известных ей признаков, чтобы рискнуть и съесть еду или это опасно. Чем большим жизненным опытом обладает собака, тем правильнее она сделает выбор, то есть тем большей способностью использовать минимальное число признаков для уверенного решения она обладает. Уровнем интеллекта или уровнем прежнего опыта и определяется сколько же этих признаков достаточно чтобы все стало ясно.

Наша концепция: интеллект восприятия – это способность верно распознавать по минимуму необходимой информации. Обратный ему интеллект – действия – это спо-

собность эффективно использовать минимально необходимое число элементарных действий для получения желаемого результата. Чем выше уровень интеллекта восприятия, тем, естественно, больше возможности у обратного ему интеллекта.

Вот, если дать волшебную палочку трехлетнему ребенку и взрослому человеку, то понятно, что первый не в силах придумать и малой доли ее применений от того, что способен измыслить второй. Но сразу и взрослому это будет не привычно, он задумается. Ну-ка, скажи мне, что бы ты сделал с волшебной палочкой?

Подколодный заерзал и деловито пыхнул дымом:

– Ну… – он вскинул глаза на потолок, расплываясь в плотоядной улыбке, – Счастья для всех даром и пусть никто не уйдет обиженный! – потом, спохватившись, махнул рукой и расплющил окурок о чайное блюдце, – Да мало ли что можно сделать… – Он хитро подмигнул, густо заштриховывая одну из пляжных фигурок.

Женя следил, закурит ли Подколодный еще одну сигарету, если нет, значит сейчас отвалит и разговор носил всего лишь односигаретный характер.

– Затрудняешься. Твое восприятие не готово к таким возможностям. Не хватает новых знаний, которые ты, в принципе, мог бы выработать на основе уже известных тебе сведений. Наштампуешь бабла, тебя посадят или прибьют, ну и в таком духе. Придется по ходу нарабатывать новый опыт.

– Так ты хочешь сказать, что тебе известны все эти механизмы, по которым образуется понимание и тому подобное? – Подколодный заколебался, но не вытащил пачку сигарет из кармана.

– Бог ты мой, – вздохнул Женя, – ты хоть бы прочитал наш отчет.

– Хорошо, дашь?

Женя порылся в столе и неохотно извлек потертую папку.

– Это и все? – Подколодный облегченно расправил плечи, – Дня через три верну, – он поднялся с кресла, щурясь как после просмотра кинофильма в темном зале, и вышел из комнаты.

Тут же влетел возбужденный Рязанов:

– Евгень Саныч, вы освободились?

– Чего тебе?

– Помните, у нас на проводах монтажа начала белая пыль оседать?

– Ну?

– Я вчера прошелся тряпкой, случайно бросил ее на осциллограф, а сегодня смотрю, луч модулируется. Проверил, а это только с высокочастотным осциллографом, другие на тряпку не реагируют.

– Ну и что?

– Похоже, что эта пыль – высокочастотный ретранслятор данных.

– Да ну? – Женя взглянул на календарь, висящий на сте-

не в виде огромной картинки весело едущей на велике полураздетой девушки с передвижной трафареткой для текущего дня, и понимающе хмыкнул: стояло первое апреля. Миша проследил направление мысли.

– Да не прикалываюсь я! Пойдемте, сами посмотрите!

– Честное слово, сейчас не могу. Времени не хватает. Я, конечно, на сто процентов уверен, что ты представление заготовил что надо, но, извини, потом.

– Какое, блин, представление, Евгень Саныч? – Миша горячился не на шутку, и Женя засомневался.

– Ладно, показывай быстрее.

Они прошли в комнату СИР. Здесь во всю площадь стен, наподобие кафельных пластин, крепились рядами электронные платы с бусинками бескорпусных микросхем. Промежутки между платами пронизывали жгуты, набранные из огромного количества проводников. Монтаж этой сети потребовал в свое время энтузиазмически кропотливого труда.

Несмотря на использование микропотребляющих элементов, вся сеть в покое пожирала полтора киловатта. Примененные же ячейки памяти требовали постоянного питания иначе весь накопленный системой опыт необратимо терялся. Поэтому наготове стояла батарея аккумуляторов и аварийный силовой бензоагрегат.

В центре комнаты телекамера СИР увлеченно уставилась в самодельный книгодержатель. Присоска быстро и ритмично переворачивала страницы.

– Что он читает? – вполголоса спросил Женя у Миши.

– Попросил "Мифы древней Греции".

– А почему не по программе?

Телекамера развернулась в Женину сторону:

– Виноват, шеф, просто очень интересно, – откликнулся СИР.

– Экзамены же скоро! Ты полковнику мифы рассказывать будешь что ли? Спишут нас обоих!

– Боюсь, шеф, вовсе не полковника нам нужно опасаться. Все больше накапливается необъясненных фактов, которые наводят на мысль о внеземной причине…

– Афигеть…! – огорченно выдохнул Женя, – Ну как такое показывать заказчику?

– Вы плохо еще меня знаете, шеф, и сильно недооцениваете.

– Знаю, что хвастать ты горазд! Кстати, откровенно говоря, мне не нравится, когда ты называешь меня шефом.

– Извините, шеф, я привык. В этом нет ничего дурного.

– Какие факты тебя так возбудили? Штукатурка у нас сыпется? Луч осциллографа пляшет? Я вот точно помню куда положил листок с методикой, а через минуту его уже там нет. Не забывай, что в принципе нашего восприятия есть определенные слабости!

– Вот еще факт, шеф. Во время одного из сейсмических колебаний в нашей комнате я видел, как образуются эти трещины. Сила колебания соответствовала семи баллам при

слишком малой продолжительности и форме, не характерной для землетрясений в наших местах. Я справлялся, городская станция не зафиксировала толчка в это время. Теперь вспомните как в моей комнате нашли брусок из неизвестного материала, припрятанный на верхних рядах моего монтажа. Вы сами тогда не разобрались, что же это такое и взяли диковинку себе.

– У меня его кто-то стащил.

– Думаю, его положили на место. Взгляните наверх, нет ли его там?

Миша влез на стремянку и обшарил взглядом монтаж:

– Ничего кроме этой белой пыли.

– Осмотрите стол, больше прятать негде, – предложил СИР.

– Некогда мне детективами заниматься, – простонал Женя.

– Минутку. Каждое утро я обрастаю белым инеем как селитрой в колбасном погребе. Мне кажется, это возникает прямо из воздуха. Жаль мне не придали газоанализатора и ночью я не могу принюхаться.

– Евгень Саныч, вот этот брусок! – Миша вылез из-под столика, заваленного шнурами и макетками.

Что за голубоватый метал это был они так и не смогли определить. Никаких щелей или хоть чего-то на гладких поверхностях не было, а вес говорил о пустоте внутри.

– Кого будем подозревать? – осведомился СИР.

– Пусть так и побудет пока, сегодня первое апреля, – вспылил Женя, – у меня на это все нет никаких сил. Извините!

И он поспешно выскочил из комнаты.

Женя медленно выдохнул, волевым усилием отрешаясь от всего лишнего, и сел за свой стол, но работать было не суждено. Открыв папку, он наткнулся на письмо. Слегка пахнуло дешевыми духами. Женя заинтригованно вскрыл конверт, не забывая контекст первого апреля, и вынул листок, исписанный старательным почерком начинающего школьника:

"Женя! милый…

Извини, что смею так тебя называть, потому что ты никогда, никогда не узнаешь кто же написал тебе… Нас разделяет непреодолимая пропасть непонимания и пространства. Чем больше я тебя наблюдаю, тем добрее, справедливее и симпатичнее ты мне кажешься. В тебе я нахожу те черты, которые делают существование восторженным и со страхом вижу, как ты становишься все желаннее.

На что мне рассчитывать? Мы такие разные. А ты такой глупый.

Извини за письмо, но могу же я однажды сказать все это, кто запретит?.. И сейчас мое чувство, нежное и печальное, наполнено тобой.

Не пытайся найти меня. Лишь во сне я смела с тобой и счастлива! Если хочешь, напиши мне и положи в эту папку. Видишь, какая я противоречивая и растерянная…

Прощай, милый! Твоя Зиреа. Можешь называть меня Зирюшей".

Женя обалдело продолжал смотреть в листок и мысли у него начали от растерянности сворачиваться. Что еще за дешевая и косноязычная фантазерка? Или фантазер?

В комнату зашла деловитая Жмуркина с рулоном схем в руках. Женя дернулся было прятать письмо, но передумал.

– Наталья Ильинична, – он потряс письмом, – представляете, кто-то своеобразно разыграл меня первого апреля. Конечно прикольно, так что хотелось бы отблагодарить автора. Вы мне не подскажете кто это мог бы быть?

По виду Жмуркиной Женя понял, что она не в курсе, но жгучее любопытство, сверкнувшее у нее в глазах, могло наделать хлопот и лучше было показать ей текст как сообщнику.

– Сейчас, Евгень Саныч, посмотрим. Все-таки, хе-хе, женское чутье меня редко подводит. Я вот вам схемы принесла на проверку, куда их?

– Кладите на стол.

– Значит письмо вам написали?

– Да, – Женя нарочито брезгливо протянул листок двумя пальцами.

Глаза у Жмуркиной заинтриговано забегали, она прикусила губу и, забывшись, засопела.

– Ум-ма не приложу! – она вскинула глаза на Женю, – если честно, – дурочка какая-то писала. Точно не наша. И подпи-

салась как-то странно… Может быть кто-то из мужчин пошутил?

– Хм, – Женя посуровел, – Мишка опять?.. Как же его на все хватает!

– Вот, действительно, на Мишу очень даже похоже.

– Спасибо вам, Наталья Ильинична, – Женя проводил Жмуркину взглядом, со вздохом взглянул опять на письмо и, споткнувшись на слове "глупый", порозовел от негодования. Он вложил улику обратно в папку и нетерпеливо ткнул фалангой в клавишу внутренней связи:

– Рязанов, ко мне!

– Он только что вышел, – безэмоционально ответил СИР.

– Когда появится, пусть немедленно зайдет!

Женя почувствовал себя очень одиноким. Он болезненно вздрогнул от телефонного звонка и поднял трубку:

– Черноус!

– Это из отдела снабжения. По вашей заявке пришли лазеры. Вы заказывали каждого типа по десять штук, а отпущено всего три прибора, стоимостью по три тысячи. Всего на девять тысяч.

Это же тысячи палок любительской колбасы! В СССР в то время новенькая "волга" стоила семь тысяч. А средняя зарплата по стране составляла 195 рублей.

– Что?? Какие приб… Точно девять тысяч?

– Ну да…

– Так приборы пришли или полупроводники?

– Приборы, лазеры.

– Это ошибка! Мы заказывали маленькие такие лазерные диодики!

– Евгений Саныч! Сами разбирайтесь. Если не нужны лазеры будем списывать за счет вашего бюджета.

Женя отлично помнил, что, когда Миша составлял заявки он горячо убеждал его, что им позарез нужны твердотельные лазерные элементы, очень может быть, что задумал наделать пистолетики с мишенями. Опять Рязанов! Женя взглянул на часы: бесполезно прошло уже полтора часа рабочего времени. Он потянулся к рулону и развернул схемы перед собой.

– Евгень Саныч, вызывали? – у дверей стоял заранее виноватый Миша.

– Ну-ка зайди. Чем ты сейчас занимаешься?

– У Вымина прибор сломался, он попросил меня посмотреть.

– Почему мне не сказал? У тебя своих дел мало?

– Они же сами не смогут наладить, это наш зрительный адаптер.

– Ты в каких облаках летаешь? На проходной завелся, теперь с Весельчаком нужно разбираться, политинформацию сорвал, а после этого тратишь время на исследование тряпок и дешевые розыгрыши!

– Какие розыгрыши? – Миша невинно поднял брови.

– Вот ты знаешь, что пришли твои лазеры?

– О! Наконец-то!

– По три тысячи за штуку.

Лицо у Миши приняло лошадиное выражение.

– Это значит аж девяносто тысяч?!..

– Дуракам везет. Выслали только три прибора. Это стационарные лазеры. Попробуй только не примени.

– Зачем нам стационарные? – промямлил Миша бесцветным голосом, – разве что контролировать расширение трещин, – Он возмущенно поднял голову, – Вы же помните, там в каталоге цены не было и кроме названия и обозначений по буквам трех типов ничего не стояло… Сами знаете, у нас бардак, а не информация.

– Ты меня сегодня доведешь. Вот как у тебя хватило ума заниматься такими пацанскими штучками? – Женя обнажил эпистолярную улику и шаркнул к нему по столу.

Миша прочел письмо и посмотрел на Женю с такой презумпцией невиновности, что только опытный актер после долгой репетиции мог бы разыграть все настолько чисто.

– Скажешь, что не ты? – спросил Женя уже мягче.

– Да у нас тут вообще, как вы сказали, ни у кого бы не хватило ума такое написать. Даже у Добрыча веселее бы вышло… А насчет первого апреля, то если бы вы тогда не сказали, я бы и не вспомнил.

– Ладно, иди. Все.

Женя принялся задумчиво выстукивать пальцами марш Шопена в ускоренном варианте. Настроение у него значительно выправилось.

– Хм, елки… таинственная незнакомка, – прошептал он, с благосклонной усмешкой посматривая на уже помятый листок. Нужно просто спрятать камеру СИР и задать ему проследить, кто проникает к нему в кабинет. Он понял, что уже точно не сможет сосредоточиться на работе пока не распутает взаимосвязь всех странностей последнего времени.

Женя свернул рулон и отложил его в сторону. Ладно, будем играть по вашим правилам. Он вынул чистый лист и, воровато посмотрев на пустующие столы сотрудников, принялся писать:

"Здравствуйте, таинственная незнакомка!

Спасибо за письмо, которое означает, что во мне еще можно разглядеть нечто привлекательное, ведь без этого вряд ли возникнет желание тратить время даже на розыгрыш, Но, превознося мои, по-вашему, достоинства, не отказывайте мне и в способности понять вас. Уже по письму ясно, что насколько вы очень необычная. Если не решаетесь приоткрыть свою тайну, то хоть как-то удовлетворите мое естественное любопытство. Обещаю, что, несмотря ни на что, буду рад доброжелательно обсудить с вами происшедшее.".

Женя отлично понимал, что составил достаточно компрометирующий документ, но желание во всем разобраться оказались сильнее и он, сложив листок, спрятал его в папку.

Резко зазвонил телефон. Женя сорвал трубку:

– Черноус.

– Это Весельчаков звонит. Я подготовил приказ о наруши-

телях с занесением в личное дело, пусть ваш Рязанов придет и распишется в ознакомлении.

– Мы же договорились сначала обсудить!

– Итак все ясно: нарушитель должен сидеть… быть наказан.

– Что за нетерпение? У вас, может, личные счеты? А я вот разобрался и убежден, что Рязанов прав. Если его фамилия появится в приказе обещаю вам неприятности.

– Вы угрожаете самому Хламу?..

– Вместо того, чтобы как-то помочь нам, вы находите в себе способности только дезорганизовывать сотрудников и срывать тем самым плановую работу! – Женя хлопнул трубкой и, развернув схемы, твердо решил, что если сейчас кто-нибудь зайдет, то он выставит его за дверь прочитать объявление с просьбой по всем вопросам обращаться после четырех.

Дверь с шумом распахнулась, Женя принял предельно суровый вид, но входить не торопились, только в коридоре раздался беззаботный женский смех. Это был предел. Женя нащупал стакан для метания. Наконец в комнату залетела, слегка запнувшись о порог, его Аленка, волоча за собой раскрывшийся портфель. Женя сглотнул и осторожно поставил стакан на стол.

– Папа! У меня в школе застежка сломалась на портфеле!

– Тише, ты! Чего кричишь? Ты что, не могла мне дома сказать?

– Ага! Как бы я пошла домой со сломанным портфелем?

– Но сюда же ты пришла? А до дома столько же.

– Ну почини!

Женя взял застежку, расправил пинцетом скобы и, продев их сквозь прорези в портфеле, согнул там.

– Держи и катись домой. Смотри нигде не задерживайся по дороге!

– Ладно!

Наконец Жене удалось проверить схемы и, вызвав Жмуркину, он объяснил ей что нужно исправить.

– Так вот, Наталья Ильинична, оказывается это не Рязанов, – вдруг поделился он в глупом порыве откровенности.

– Кто же тогда вас так полюбил? Выходит, посторонние.

– У нас никого постороннего не было.

– А вы ответ напишите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.